

УДК 930.85

Т. Д. Суходуб

**«НОВЫЙ ГУМАНИЗМ» ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
М.А. ВОЛОШИНА**

СУХОДУБ Татьяна Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент Центра гуманитарного образования. Национальная академия наук Украины. Ул. Владимирская, 54, 01030, г. Киев, Украина. E-mail: borftat@mail.ru.

Философия истории М.А. Волошина исходит из принципа связи исторических эпох: события прошлого как «праформы» определяют современную историю. Так, разгром ордена тамплиеров в начале XIV ст. определил, по его мнению, «генеалогию террора» Великой французской революции, а она, в свою очередь, создала праформу революционных событий в новейшей истории, в том числе и в России. Революции, согласно Волошину, связаны не только с идеей справедливости, но и мести. Отсюда жанр трагедии – код истории. «Новый гуманизм» мыслителя означает культивирование принципов человечности и личностной солидарности с Другими.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ; РУССКИЙ «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК» («SILVER AGE»); КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ; «НОВЫЙ ГУМАНИЗМ»; ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ; ФИЛОСОФСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ М.А. ВОЛОШИНА

Несмотря на то, что у М.А. Волошина, известнейшего поэта, художника, литературоведа русского Серебряного века, нет академически-философских работ и потому в нём не очень-то принято видеть философа, рискну утверждать обратное. Его понимание истории, мировой и русской, оценка прошлых и современных ему революционных событий, его видение культурно-цивилизационного пути человечества создают интереснейшую историософскую концепцию. Тем не менее, как философ истории он практически неизвестен.

Волошинская философия истории основывается в первую очередь на положении о том, что за всеми событиями современной истории стоят, определяя их сущностную основу, события прошлого. Целесообразно, думаю, обозначить эту минувшую, ушедшую в прошлое историческую «основу» понятием «праформы». Сам же М.А. Волошин, подчёркивая

удивительнейшую, открывшуюся ему историческую связь разных эпох, опирается на слово «повторение», употребляя его в категориальном значении. Определяя логическое содержание данного термина, мыслитель проводит параллель между, образно говоря, историями людей, их особыми жизненными путями, весьма отличающимися биографиями и историей человечества. То есть, подобно тому, как история отдельной личности (при всей уникальнейшей, неповторимой её составляющей) несёт в себе одни и те же начала – «смерть, любовь, самопожертвование», повторяющиеся «в незыблемые моменты» в *к а ж д о й* жизни, так и в истории человечества имеются в определённом смысле тождественные события.

Поясняя свою мысль, М.А. Волошин подчёркивает как бы закономерное для духовного роста людей невольное «сокрытие» от самих себя факта жизненных «повторений» обстоятельств бытия, ведущее к неосознанности практически всеми своей судьбиной идентичности с другими. Именно поэтому, утверждает он, в «незыблемые» моменты своей жизни «никто не видит и не чувствует их повторяемости: для каждого, переживающего их, они кажутся совершенно новыми, единственными, доселе никогда не бывавшими на земле» [1, с. 193]. Однако, в этих же по сути тождественных, «повторяющихся» параметрах, теперь уже общественного бытия, осуществляется и всеобщий исторический процесс – общий для всех или для очень и очень многих, но с той только разницей, что «Подобными моментами в жизни народов бывают Революции. С неизменной последовательностью проходят они одни и те же стадии: идеальных порывов, правоустановлений и зверств – вечно повторяющие одну и ту же трагическую маску безумия и всегда захватывающие и новые для переживающих их» [1, с. 193].

Итак, одним из первых обоснований идеи о непосредственной связи, казалось бы, исторически далёких эпох, о закономерной проекции прошлого на будущее, наблюдаемой в истории, была волошинская статья «Пророки и мстители». Она впервые была опубликована во втором номере журнала «Перевал» за ноябрь 1906 г. [2]. И хотя её подзаголовок «Предвестия Великой Революции» был дан редактором, тем не менее, именно этим уточнением поясняется главная авторская задумка – указать на событие, предопределившее кардинальный слом европейской истории

на излёте эпохи Просвещения. Автор, безусловно, хорошо знает философско-интеллектуальные истоки Французской революции, событийную её историю, деятельность политических лидеров, оценки последующих интерпретаторов, много цитирует, поясняя смыслы происходящего, но главным для него остаётся желание увязать некие события в единое целое, тем самым найти в их связи некий «код» непосредственного разворачивания исторического процесса. Речь идёт о двух датах – 21 января 1793 года и 18 марта 1314 года, находящихся, по мысли Волошина, хотя и не в явной, вернее – не проявленной, но в «неразрывной связи» [1, с. 205].

Проще всего было бы пойти в интерпретации этой мысли М.А. Волошина по поверхностному пласту его текста, в котором, действительно, можно вычитать, что разгром ордена тамплиеров в начале XIV века, казнь его Великого Магистра Якова Молэ определили события конца XVIII, тем самым демонстрируя месть ордена наследникам короля Филиппа Красивого, по чьей воле и заговору с другими государями было разрушено могущество этого рыцарского ордена, создавшего, впрочем, на своих обломках тайное общество франкмасонов, которое через столетия передаст, по версии Волошина, Великой революции свой девиз: *Liberté, Egalité, Fraternité*. Таким образом, клятва тамплиеров о мести Бурбонам исполняется – именно этим объясняются «революционные зверства» и беспощадные «сокрушения государственных строев старой Европы». При этом, конечно, важно было бы не забыть и про Бастилию, место заточения Молэ, указав на символичность её взятия, с чего, собственно, и началась Великая революция. Всё это, действительно, в «Пророках и мстителях» имеется. Неслучайно А.В. Амфитеатров, близко знакомый с Волошиным с «парижских молодых дней», объяснял рождение подобного рода идей увлечённостью поэта мистикой, характерным для Макса, как говорил, «воображательством». В частности, в воспоминаниях литературного собрата под красноречивым названием «Чудодей» описывается парижская лекция Волошина на тему – «Предвестия и пророчества», прочитанная им в Русской Высшей Школе Социальных наук и из которой позднее и родилась анализируемая нами статья.

Пригласил лектора сам А.В. Амфитеатров, зная, что «Волошин обстоятельно изучал эпоху» и будучи уверенным, что «изложение будет блестящим». И вот: «Взобрался чудодеем на кафедру и – перед двумя сотнями меньшевиков, большевиков и эсеров, сплошь овеванных духом “исторического материализма”, – давай дерзновенно рассказывать... спиритические анекдоты, вроде видения Казота, – “бабьи басни”, одна фантастичнее другой... В зале смех, перешептывание, язвительные возгласы. Я сижу, как на иголках, ежеминутно ожидая скандала» [3]. Скандал, тем не менее, не состоялся, хотя, как описывает инициатор лекции, студенческий комитет и устроил ему «сцену, язвительно осведомляясь – какое отношение имеют подобные лекции к социальным наукам и намерен ли я допускать их впредь» [3]. Вопросы, однако, остались актуальными и до сих пор.

Так что же стояло (да и стоит) за этим «воображением» М.А. Волошина, не понятым ни его товарищем, ни слушателями-революционерами? Последние в совсем недалёком времени, окончательно разделившись на противоборствующие группы, начнут «переделку» страны (хотелось бы считать родины!) столь радикальную, что о смысле (или бессмыслице?) которой Мастеру потребуется уже не мистико-историческое, а поэтическое слово, способное более точно, до ставших обыденными кровавых деталей и непрерывной душевной боли, описывать события истории:

*... Но каждый,
Дорвавшийся до власти, сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.
Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
Активом террора
Покрыть пассив усобиц,
Так революция,
Перетряхивая классы,*

*Усугубляет государственность:
 При каждой
 Мятежной спазме одичалых масс
 Железное огорлие гарроты
 Сжимает туже шейные хрящи.
 Благонадёжность, шпионаж, цензура,
 Проскрипции, доносы и террор –
 Вот достижения
 И гений революций!*

(Государство [4, с. 174–175].

Книга «Путями Каина». 13 апреля 1922 г.)

Слова Волошина-поэта невольно делали его историком, скрупулёзно свидетельствующим о жестоких фактах бытия человека на переломе эпох. А вот Волошин-философ был убеждён, что «только времена, надвигаясь и множа факты, дают ключ к пониманию смутных слов старых предвидений, опрозрачивая образы, и выявляя понятия в невнятных рунах прошлого» [1, с. 192], поэтому «вполне принимая общепринятое изложение экономических, социальных и психологических причин, подготовивших Великую Революцию, – писал он, – мы не можем не признать, что у террора, являющегося, по своему существу, идеей справедливости и мести, есть иная генеалогия, чем та, которую нам обычно предлагают как генеалогию Французской революции» [1, с. 205]. Объясняя последнюю, М.А. Волошин считал, что революционный террор закладывался действительно событиями XIV столетия, а события во Франции XVIII века создавали, в свою очередь, некую форму последующих революционных процессов новейшей истории, в том числе и в России.

Все эти идеи, конечно, содержались в волошинских «Пророках и мстителях», но, тем не менее, проведенные мыслителем исторические параллели недопустимо понимать и толковать буквально, ибо речь идёт о более «тонких» исторических материях. Главная трагедия истории, считает Волошин – души людей, нелепый, жестокий «пароксизм любви», охвативший их и вызванный острой формой переживания справедливости или какой-либо иной идеи. Отсюда, утверждает философ, «идея справедливости – самая жестокая и самая цепкая из всех идей,

овладевавших когда-либо человеческим мозгом. Когда она вселяется в сердца и мутит взгляд человека, то люди начинают убивать друг друга» [1, с. 193]. Иначе говоря, Революция – это не столь «политический и социальный переворот», сколь – «громадный духовный кризис, психологическое потрясение целой нации» [1, с. 192]. Именно поэтому, размышляя над судьбами палача Марата и праведницы, мученицы Шарлотты Корде, осуществившей, как казалось, справедливое возмездие, Волошин воспринимает их судьбы одинаково трагичными. Он считает, что «В гармонии мира страшны не те казни, не те убийства, которые совершаются во имя злобы, во имя личной мести, во имя стихийного звериного чувства, а те, которые совершаются во имя любви к человечеству и к человеку. Только пароксизм любви может создать инквизицию, религиозные войны и террор» [1, с.194].

Расправляясь с аристократами, революционно настроенные граждане, конечно, верили в «праведность» своего гнева; убеждали себя и других в том, что, убивая, открывают дорогу Справедливости, совершают «таинство священного очищения нации» – сколько раз после Великой Революции срабатывала кровавыми своими следствиями такого рода уверенность. Об одной из них, спустя годы, уже в «новых» исторических обстоятельствах, поэт напишет:

*Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращённых в прах,
Из мук казнённых поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений –
Возникнет праведная Русь.
Я за неё за всю молюсь...*

(Заклинание (от усобиц) [4, с. 122].

Из книги «Неопалимая купина». 19 июня 1920 г.)

М.А. Волошин подчёркивал, что понимание, вернее, предчувствие, предвидение неких исторических «повторений» рождается в человеке не сразу, а скорее под впечатлением от пережитого им страха и желания (как можно предположить) понимать, о чём философ пишет следующее: «Без

сомнения, наше чувство будущего, подобное памяти – чувству прошлого, возникает именно в том промежуточном пространстве – между страхом и желанием. И оно уже есть в нас отчасти» [4, с. 192]. Это «отчасти» Волошин связывает с Ф.М. Достоевским, считая, что в его творчестве это предвидение-понимание было, что он будущее знал. Неслучайно, статья «Пророки и мстители» начинается с довольно большой известной цитаты, правда не вполне точной, из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», описывающей сны Раскольникова во время болезни на каторге. И хотя первая волошинская строчка как будто говорит о случайности цитаты в его тексте: «Я развернул книгу наугад, и мне раскрылась такая страница...» [4, с. 188], это, конечно, не так – понимание истории Волошиным рождается под глубоким впечатлением от художественных произведений Достоевского. Не воспроизводя цитату полностью, укажем всё-таки на особо значимые для Волошина строки: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. <...> Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром» [5, с. 516]. Эти вопросы касались трагичности исторического бытия, вернее, трагической связи человека с историей, особенно в эпохи глубоких революционных трансформаций. Это были вопросы о странных, едва заметных в преходящих исторических процессах «повторениях» прошлого, о том, возможно ли отыскать хоть какой-то смысл истории, тем более, когда речь идёт об обстоятельствах, в которых требуются всё новые и новые человеческие жертвы; когда добро и зло распределяется, по чьему-то внешнему указанию, между людьми, разделяя их на «правых» и «неправых», не желая вовсе видеть, что в каждом человеке есть место и для добра и для зла.

Именно из текстов Достоевского рождаются волошинские историософские вопросы, открывающиеся и для других в условиях новой

(«повторяющейся», уже когда-то бывшей в иной истории) реальности: «Очевидно, глаза наши до нынешних времён скользили по этим строкам, не видя их. Только дыхание ужаса революции выявило их для нас, как прикосновение огня обнаруживает бледные буквы, написанные химическими чернилами на белом листе бумаги» [1, с. 189]. Лежащее подспудно в пластах истории становилось, таким образом, явью. В своём понимании русской истории философ исходил из того, что человеческое мироощущение всегда облекается в конкретные национальные формы, выявляющие «самую глубинную и самую индивидуальную сущность национальной души» [6, с. 363]. В этом плане он очень точно уловил «код» славянского исторического пути: «Славянская душа трагична в своей сущности, – пишет он. – Сравните её с душою других европейских рас: она отличается от них и глубиной своих эмоций, и напряженностью совести, и остротой трагических противоречий. Она катастрофична» [6, с. 363]. Этой своеобразной ментальной особенностью М.А. Волошин поясняет, почему ни Ф.М. Достоевский, ни Л.Н. Толстой не занимались театром, а создавали «трагический миф». Он видел, что «... русская трагедия может найти свой дом Атридов в “Братьях Карамазовых”, Троянскую войну в “Войне и мире”, Орестейю в “Преступлении и наказании”, Федру – в “Анне Карениной”» [7, с. 367]. В духе жанра трагедии размышляет М.А. Волошин и о событиях мировой истории, видя в них явленную или не проявленную жестокость к отдельному человеку: «Мировые трагедии, – пишет он, – обычно бывают прекрасно срежиссированы. История задолго готовит актёров, ей нужных» [8, с. 101].

Отталкиваясь от конкретных исторических обстоятельств, в перипетиях своего весьма непростого времени, М.А. Волошин выстраивает собственную логику понимания событий и соответственно – свой «новый» гуманизм – этику солидарности и человечности. Волошинский гуманизм вытекал из персоналистского мировоззрения, толкующего личность не как часть или функцию целого (общества, социальной общности), а как целое, значимое само по себе. Отсюда культура предстаёт историей личностей, а история – культурой не массового, родового, коллективного, социального «начал», а способом личностного творческого бытия в культуре. Так, во времена революционных трансформаций, самостояния и противостояния

людей, их катастрофического разъединения, отчуждения, нечеловечности идей и действий, М.А. Волошин создаёт свой собственный «закон» бытия в истории. Этот волошинский закон можно назвать законом «не «исключённого» третьего», когда под этим «третьим» имеется в виду культура, снимающая, в отличие от политики, антагонистические противостояния людей. За этим «третьим», которое не исключить ни при каких обстоятельствах, стоит духовный опыт культивирования любовного внимания к отдельному человеку, «новый» подлинный гуманизм, явленный жизнью самого М.А. Волошина, выступившего в годы гражданской войны подлинным миротворцем «белых» и «красных», «фанатиков непримиримых вер», спасая (друг от друга, по сути) тех и других.

Философ исходил из того, что столь традиционный для «мира людей» логический закон «исключённого третьего», заставляющий мыслить по принципу «или – или» (истинно утверждение или ложно?) нельзя применять в качестве практического закона общественного бытия – как закон прямого действия, ставящий человека перед жестоким выбором – с нами ты или против нас... Нельзя, однако именно в таком качестве в переходные революционные эпохи этот закон и применялся:

*И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
“Кто не за нас – тот против нас,
Нет безразличных, правда – с нами”.*
*А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.*

(Гражданская война [4, с. 113].

Из книги «Неопалимая купина». 21 ноября 1919 г.)

Действующий таким образом логический закон, становясь одновременно и социальным, ведёт только к одному результату – «логике» насилия, принуждения, разрушения (изнутри!) и так хрупкого мира людей и культуры. М.А. Волошин же действует согласно иному закону, никому кричаще его не навязывая, не взывая Других к его исполнению, просто считая, что силу истории «масс» и «коллективностей» можно преодолеть

слабой силой собственной души, силу ненависти – силой любви, силу расчеловечивания – силой человечности. При этом, подчеркнём, волошинская позиция вовсе не была некритическим «примиренчеством» выживания в новых исторических условиях – просто поэт и философ не принимал ненависти как формы социальных взаимоотношений, доказывая, что любить можно только любовью, но не ненавистью, что только любовью можно созидать себя и свой человеческий (и человеческий!) мир. Отсюда его категоричное: «Ненависть является одной из форм выражения любви только для сердец не просветлённых» [9, с. 202].

Волошинская принципиальная надполитичность, «нестайность», уединённость и отъединённость от всех второй своей стороной демонстрировала глубокую солидарность со всеми. Его желание «... в смутах усобиц и войн постигать целокупность / Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих» не являлось уходом из ситуации гражданского конфликта, а, напротив, выказывало глубоко личное сопротивление террору: «19-й год, – вспоминал М.А. Волошин, – толкнул меня к общественной деятельности в единственной форме, возможной при моём отрицательном отношении ко всякой политике и ко всякой государственности, утвердившимся и крепко обосновавшимся за эти годы, – к борьбе с террором, независимо от его окраски. Это ставит меня в эти годы (1919–1923) лицом к лицу со всеми ликами и личинами Русской усобицы и даёт мне обширный и драгоценнейший революционный опыт. Из самых глубоких кругов Преисподней – Террора и Голода я вынес свою веру в Человека...» [10, с. 207]. Конечно, его крайне беспокоило, что Россия была предречена, как считал, перешагнуть «круг безумия справедливости и отмщения», после которого – та «морозная язва», о которой предупреждал ещё почитаемый Волошиным Ф.М. Достоевский.

Итак, нельзя не заметить, что в волошинских размышлениях о далёких тамплиерах и давно ушедшем поколении французских революционеров, прежде всего, лежало желание предостеречь соотечественников от кровавых «повторений». Не удалось. И пока нет оснований думать иначе, иметь надежду на иной вариант разрешения противоречий истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Волошин М.А.** Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции // Волошин Максимилиан. Лики творчества. Ленинград, 1988. С. 188–208.
2. **Волошин Максимилиан.** Лики творчества. Ленинград, 1988.
3. **Амфитеатров А.В.** Чудодей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_v_05.htm.
4. **Волошин М.** Любовь – вся жизнь. Стихотворения. Переводы. Статьи. Воспоминания о Максимилиане Волошине. Избранное. Симферополь, 2008.
5. **Достоевский Ф.М.** Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том пятый. Л., 1989.
6. **Волошин М.А.** Достоевский и русская трагедия. Русская трагедия возникнет из Достоевского // Волошин Максимилиан. Лики творчества. Ленинград, 1988. С.362-365.
7. **Волошин М.А.** «Братья Карамазовы» в постановке Московского художественного театра // Волошин Максимилиан. Лики творчества. Ленинград, 1988. С. 365–374.
8. **Волошин М.А.** Поколение 1914 г. // Волошин Максимилиан. Все даты бытия. О себе и о других. М., 2004. С. 101–104.
9. **Волошин М.А.** Судьба Верхарна // Волошин Максимилиан. Все даты БЫТИЯ. О себе и о других. М., 2004. С. 196–202.
10. **Волошин М.А.** Автобиография // Волошин Максимилиан. Все даты БЫТИЯ. О себе и о других. М., 2004. С. 204–208.

SUKHODUB Tatyana D. – National Academy of Sciences of Ukraine. str. Vladimirskaya, 54, Kyiv, 01030, Ukraine. E-mail: borftat@mail.ru.

«NEW HUMANISM» OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY OF M.A. VOLOSHIN

Voloshin's philosophy of history is based on the principle of bonding of historical periods: the events of the past as «parent forms» define the modern history. For instance, the defeat of the Templars in the beginning of 14th century defined, by Voloshin, the «genealogy of terror» of the French revolution, and this revolution, in turn, created the «parent form» of revolutionary events in modern history, including Russian. Revolutions, according to Voloshin, are not only linked to the idea of justice, but revenge. Hence, the genre of tragedy is the code of history, in Voloshin's term of view. His «new humanism» means the cultivation of the humanity principles and personal solidarity with Others.

PHILOSOPHY OF HISTORY; RUSSIAN «SILVER AGE»; CULTURE OF HISTORICAL THINKING; «NEW HUMANISM»; HUMANISM; PHILOSOPHICAL OUTLOOK OF M.A. VOLOSHIN
